

Дьердь Шпира ЧЕТЫРЕ СУДЬБЫ

ЛАЙОШ БАТТЯНИ

К истории политической деятельности

И.Сечени, Л.Баттяни, Л.Кошута, Ш.Петефи

Перевод с венгерского *О.В.Громова*

Вступит/ статья и редакция д.ист.н. *Т.М.Исламова*

М.: Прогресс. 1986

Вступительная статья

К советскому читателю (от автора)

Трагический путь Иштвана Сеченьи

Лайош Баттяни

Клинок Шандора Петефи

Лайош Кошут и потомки

Веб-публикация: *Belle Garde*

и редакторы библиотеки *Vive Liberta*

и Век Просвещения, 2010.

Текст подготовлен в виде скана (pdf), по главам

Тематические ссылки:

Р.Авербух.

Революция и национально-освободительная война
в Венгрии в 1848-49 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p82467734.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p94667612.htm>

(ссылки на скачивание текста книги, иллюстрации,
дополнения)

«Весна народов»: европейские революции 1848 года

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

Юность Баттяни во многом напоминает юность Сеченьи, который был старше его на полтора десятка лет: как и Сеченьи, Баттяни вступил вначале на стезю армейского офицера и в течение достаточно длительного времени проводил свои дни так, будто главной его мечтой было истратить как можно больше денег на лошадей и развлечения. Потом, в 1831 году, после четырех лет службы, он неожиданно отвернулся от императорской армии и от самого себя, прежнего, и стал жадно изучать положение на родине и за рубежом. Однако это изменение было вызвано и обусловлено у Баттяни несколько иными, чем у Сеченьи, факторами. Смене карьеры в сильнейшей степени способствовали, в частности, и впечатления от ранее прочитанных книг: так, под влиянием немногих сравнительно молодых преподавателей и друзей из среднепоместных дворян он еще в гимназические годы увлекся — со все возрастающим интересом и симпатией — чтением произведений немецких, французских и английских апостолов либеральных идей. Непосредственными же причинами, вызвавшими у Баттяни этот поворот, явились те, образно говоря, пощечины, которые он, как венгр, получал в австрийской армии — в первую очередь от своего командира полка, графа Урбны, ненавидевшего венгров (впоследствии, в начале 1849 года, он встретился с ним как с командиром одного из корпусов вторгнувшегося на территорию Венгрии Виндишгреца¹, который передал Баттяни в руки судей-палачей).

После начала новой, гражданской жизни в нем так же, как и в молодых венгерских политиках, вступивших на политическую арену в начале 30-х годов, вскоре укоренилось мнение, что преодолеть то страшное отставание Венгрии, которое бросалось в глаза не только тогда, когда ее сравнивали с наиболее развитыми государствами Запада, но и тогда, когда сравнивали с положением других провинций Габсбургов, можно лишь путем ширококомасштабных внутренних преобразований, которые пропагандировал Сеченьи в своих работах, показывая сущность феодальных и явные преимущества буржуазных отношений. Однако с самого начала Баттяни не мог согласиться с мнением Сеченьи о том, что преобразования должны быть осуществлены во взаимодействии с венским двором, в этом отношении он скорее придерживался взглядов Вешшеленьи², считавшего, что успех может быть достиг-

¹ Виндишгрец А. (1787–1862) — австрийский полководец, главнокомандующий австрийских войск, сражавшихся против революционной Венгрии.

² Вешшеленьи М. (1796–1850) — сторонник реформ, один из руководителей дворянской оппозиции в венгерском государственном собрании в 30-х годах.

сма тривались бы как органическая часть большого целого. Иначе говоря, чтобы ни одно, даже самое мелкое упущение государственной жизни нельзя было рассматривать как просто случайное явление либо как следствие личных злоупотреблений отдельных мелких чиновников, а, напротив, надлежало выявить, насколько тесно связаны все подобные упущения с самой сутью абсолютистской системы правления с сутью "чинящей произвол" и "чреватой преступлениями" правительственной политики Вены, хотя бы уже потому, что если правительство не стремилось бы "растоптать... нашу конституцию, нашу свободу, всю нашу законность и ... похотностью свести на нет всю венгерскую конституцию", то тогда само собою разумеется, "зависящие от него элементы" и не посмели бы выступить против законов. Таким образом, когда на сессии государственного собрания 1843 — 1844 годов был поднят, например, вопрос о том, что в последнее время некоторые священнослужители отказывались совершать обряд бракосочетания своих католических прихожан с некоторыми и многие выступавшие осуждали их за это, Баттяни поспешил сказать, что они лишь потому отважились на это, что считали очевидным, что "в Вене больше веса будет иметь "апостолическое королевство", нежели конституционное"¹ и поскольку их поведение обоснованно, необходимо заклеймить подобную практику не только духовенства, но "как духовенства, так и правительства". Или когда зашла речь о том, что антивенгерски настроенные чиновники комитета Загреб пытались ограничить сочувствующих венграм мелких дворян турмезейского района в Хорватии в их политических правах и в связи с этим многие выступили против руководителей этого комитета, Баттяни снова посчитал своим долгом подчеркнуть, что этих людей можно обвинять только лишь как "сообщников... правительства", главным же виновником является само правительство. Ведь оно закрывало глаза на происходящее и поэтому несомненно, что "приспешников, а может быть, даже подстрекателей", виновных в прошедшем чиновников тоже следует искать в администрации. Подобным образом Баттяни обнажал и большие бедствия, скрывавшиеся за мелкими неполадками, а также и в других случаях.

Когда же к середине 40-х годов подтвердилось, что подобные наскоки оппозиции побуждают правительство поддерживающие его венгерские круги не к отступлению, наоборот, к применению еще более суровых и жестких мер, целью поставить комитатские власти, являвшиеся главными

опорой оппозиции, под еще более строгий контроль, критические высказывания Баттяни тоже приняли жесткий характер. Об этом красноречиво свидетельствует, например, нравоучительная басня, которую он рассказал в одном из выступлений на заседании верхней палаты:

— Жила-была помещица, у которой имелись ленивый слуга и молодой петушок. Слуга очень любил поспать, не проявлял никакого рвения к работе, и хозяйка была вынуждена каждый день буквально заставлять его работать, а она это обычно делала после того, как прокукарекает петух. Слугу это очень злило, и, считая, что, если петух сдохнет, он сможет во время безмятежно спать и не думать о работе, он убил петуха. И что же дальше? Теперь хозяйка уже сама будила слугу, причем еще раньше, чем до этого, и более строго. И слуга, надеявшийся что-то выиграть от своего дурного поступка, оказался в еще более худшем положении. Мораль сей басни такова: хозяйка — это нация, а ленивый слуга — застойная или, если угодно, "обдуманно идущая к прогрессу" часть нации, ну а молодой петушок — это только оппозиция. То, что эту бедную оппозицию его сиятельство граф Дьердь Аппоньи вследствие своей добросердечности не пожелал убить, мне понятно, но он по крайней мере вознамерился заткнуть ей рот кляпом ... Если бы сие намерение осуществилось, мы уподобились бы персонажам этой басни, ибо в этом случае уже наверняка сама нация прямо и непосредственно приструнила бы ленивого слугу.

И Баттяни в это время уже не скрывал, что самым пламенным его желанием как раз и является оказать на защитников господствующего строя именно такое давление извне. "Дай только бог, чтобы это свершилось как можно скорее". Однако Баттяни не только грозный боец в зале заседаний, но и выдающийся организатор. Прежде всего ему следует поставить в заслугу, что его товарищи по оппозиции приходили из своего клуба на заседания верхней палаты всегда подготовленными, и ни один аргумент, выдвигаемый в ходе дискуссии консерваторами, никогда не оставляли без ответа. Именно благодаря Баттяни прежде всего его единомышленники не терялись и в самых неожиданных ситуациях. В этом отношении полностью справедливо то, что сказал верховный судья Дьердь Майлат, оглядев сидевших в зале заседаний палаты Баттяни и его друзей.

— Вы действительно хорошо держите их в руках. Вы дирижируете даже взглядом...

Организационная деятельность Баттяни вскоре вышла за рамки аристократической оппозиции. Ведь на собрания "опозиционного казино" с целью согласования точек зрения он с самого начала систематически приглашал и оппозиционных

¹ Официальным названием Венгрии было "апостолическое королевство".

депутатов нижней палаты — Ференца Деака¹, Габора Клауза² и их товарищей. Сотрудничество с ними сохранялось и периоды между сессиями государственного собрания 40-х годов, когда члены аристократической и дворянской оппозиции объединенными усилиями создавали одно за другим целый ряд таких обществ — на первый взгляд предназначенных для развития экономики, а на самом деле служивших также целям создания организационных рамок для формирования когданибудь в будущем оппозиционной партии: например, созданный в 1841 году (под председательством Баттяни) Промышленный союз или приступившее к работе в 1844 году (тоже под его председательством) Венгерское торговое общество, а также "Общество защиты", которое развернуло свое знамя также в 1844 году.

Более того, это взаимодействие и сотрудничество между ним и руководителями дворянской оппозиции не только сохранялось в эти годы, но и все больше расширялось. Не последнюю очередь потому, что он в отличие от других аристократов не только одним своим именем способствовал укреплению названных обществ, но и благодаря активной повседневной работе; эта работа содействовала установлению контакта между ним и такими оппозиционными политиками с которыми, например, с лидерами левого крыла оппозиционного движения, вначале, на сессиях государственного собрания, он не мог встретиться. Это, однако, важно, ибо именно к представителям левого крыла Баттяни на первых порах испытывал заметную антипатию. Однажды он, например, решительно заявил:

— Я так же мало склонен идти вместе с Перцелом³, как и с Дьердем Апонью.

И в первые недели после выхода газеты "Пешти хирлап" у него и о Кошуте было такое мнение, что тот слишком далеко зашел в своей газете.

Однако со временем точка зрения Баттяни начала меняться: по отношению к отдельным лицам он по-прежнему

¹ Деак Ф. (1803–1876) — известный венгерский политический общественный деятель; в 30–40-х годах один из лидеров парламентской оппозиции. В 1848 году — министр юстиции в революционном правительстве Баттяни; один из инициаторов соглашения 1867 года.

² Клаузал Г. (1804–1866) — адвокат, политический деятель, один из лидеров дворянской либеральной оппозиции; в 1848 году министр земледелия, промышленности и торговли в правительстве Баттяни.

³ Перцел М. (1811–1899) — с 1843 года депутат государственного собрания; принадлежал к левому крылу Партии оппозиции, период революции 1848 года — сторонник радикалов. В качестве генерала венгерской армии принимал участие в национально-освободительной борьбе венгров 1848–1849 годов.

проявлял настороженность, однако его сомнения, связанные с Кошутом, постепенно рассеивались. Он все чаще признавался в своем растущем уважении к нему — и не только потому, что вскоре для него стало очевидным, что политическая линия "Пешти хирлап" по всем основным пунктам совпадала с его линией, но и потому, что он наблюдал повседневную неустанную работу, которую вел Кошут в качестве директора Промышленного совета непосредственно рядом с ним.

По мере того как Баттяни сближался с Кошутом, и сам Кошут сближался с Баттяни. В основном это происходило у обоих по сходным причинам и, кроме того, под воздействием приводящих факторов, например такого: по большинству вопросов, вызывавших споры в рядах оппозиции, Баттяни с самого начала разделял взгляды не Этвеша и централистов, а Кошута и неоднократно подчеркивал, что он и сам не отрицает "большую и неминуемую необходимость проведения комитатской реформы"; ограничение же комитатской автономии он упорно отвергал, поскольку "муниципальные чиновники всегда были и особенно в нынешний момент являются стражами и защитниками дела нации".

Пожалуй, в это время всплыл лишь один вопрос, по которому точка зрения Баттяни отличалась от кошутовской: это был вопрос о том, на каком языке должно осуществляться внутреннее управление в Хорватии. Однако в этом вопросе его точка зрения отличалась и от взглядов других лидеров оппозиции. Внутри оппозиции господствовало мнение, что поскольку статья II закона от 1844 года вводила в Венгрии в качестве обязательного языка во всех сферах государственной жизни венгерский язык вместо латинского, то и хорватским властям следовало в отношениях с венгерскими властями пользоваться исключительно венгерским языком, сохранив, однако, за этими властями право при решении внутренних вопросов управления в Хорватии и впредь применять латинский язык. Вопреки этому Баттяни считал, что от хорватов правомерно требовать пользоваться венгерским языком лишь при переписке с венгерскими властями; что же касается их желания при решении своих внутренних дел пользоваться вместо латинского языка — как и венгры — своим родным языком (а общеизвестно, что они действительно этого хотели), то в этом им ни в коем случае нельзя препятствовать. Ведь "ни со справедливостью, ни с разумной политикой не может сочетаться такое положение, при котором мы... принудили бы их на применение в своих внутренних делах, в общественной жизни мертвого языка"; более того, это было бы "таким деспотизмом, примера которому не найти в мировой истории" и который дал бы повод "всему миру не только для осуждения, но и для осмеяния".

Однако связанное с этим различие во взглядах было столь значительным, чтобы оно могло подорвать то уважение и доверие, с которыми в середине 40-х годов уже относились к Баттяни сторонники всех направлений оппозиции и которые, пожалуй, наилучшим образом выразил Кошут, когда однажды написал о Баттяни: "Мы снимаем шляпу перед этим человеком; в самых неожиданных обстоятельствах он сохраняет рысью зоркость зрения, в своих решениях он быстрый как молния, и к тому же тверд и непоколебим, словно каменный его нерв — железный". Таким образом, когда в ноябре 1845 года по инициативе Кошута сформировался центральный комитет оппозиции для осуществления непосредственной подготовки организации единой партии оппозиционных сил, для всех было само собою разумеющимся, что председателем этого комитета может быть только Баттяни. И когда в марте 1847 года как противовес консервативной партии действовавшей под своими знаменами уже в течение четырех месяцев, наконец родилась Партия оппозиции, то было совершенно естественно, что именно Баттяни станет председателем этой партии.

Таким образом, нет ничего удивительного в том, что Сеченьи в эти годы с возрастающим беспокойством следил за общественной деятельностью Баттяни, считая, что она может лишь возбудить подозрения в Вене, из силы, поддерживающей (на что Сеченьи надеялся) преобразования, снова превратится в ее противника. И Сеченьи по-прежнему не представлял себе, что Венгрия сумеет осуществить преобразования вопреки воле куда более сильных Габсбургов. Он, убедившись, что в отношении некоторых весьма скромных нововведений со стороны государственного собрания 1839—1840 годов, дворяне тоже дал свое благословение, в течение 40-х годов все более уповал на то, что двор готов поддержать и преобразования. Поэтому со свойственной ему страстью он то объявлял Баттяни "подстрекателем, не имеющим плана", то "казуистом, крючкотвором и подпольным адвокатом", а то сравнивал его с "демоном разрушения", воспетым Верешмарти¹. Когда же Сеченьи узнал, что Баттяни вытатуировал себе на руку змею, он поспешил заявить, что это исключительно удачный выбор: ведь змея — "истинная копия его самого". В то же самое время Сеченьи вновь пытался побудить Баттяни к умеренности, подчеркивая в первую очередь, что в Венгрии, мол, совершенно бесперспективно стремиться умножить ряды оппозиции, потому что, если оппозиция и оказалась

бы в большинстве в обеих палатах государственного собрания, это все равно не изменило бы положения — ведь осуществление абсолютистского государственного строя означает, что члены правительства ответственны за свою деятельность не перед государственным собранием, а перед монархом и, следовательно, оппозиция не смогла бы взять в свои руки правительственную власть даже в случае завоевания большинства в государственном собрании.

На это Баттяни без труда парировал, что сей аргумент сам по себе совершенно справедлив, но оппозиция, несмотря на это, должна стремиться к завоеванию большинства в государственном собрании, так как, располагая большинством, она сможет вынудить правительство на какие-то уступки. Более того, это единственное средство, с помощью которого у него можно вырвать хотя бы определенные уступки. Если же в государственном собрании "большинство принадлежит правительству, то оно делает все, что хочет". Что же касается того, что правительство и в мыслях не имело по своей инициативе способствовать "конституционному развитию нашей нации", убедительно доказывает "поведение правительства по отношению к наследственным австрийским провинциям". Ведь в наследственных провинциях оппозиция правительственной политике, подчеркивал Баттяни в одном из своих выступлений в верхней палате в 1844 году, значительно слабее, чем в Венгрии, хотя правительственный произвол в этих провинциях отнюдь не слабее, а даже еще более неограничен, чем в Венгрии.

Поскольку подобные взгляды Баттяни высказывал не только Сеченьи, но и на собраниях оппозиции, исправно посещаемых доносчиками австрийской тайной полиции, и даже на открытых заседаниях верхней палаты государственного собрания (о чем к тому же каждый мог узнать из дневника палаты, выпускаемого в отличие от других изданий без цензуры), то по мере того, как популярность Баттяни в кругу сторонников оппозиции все больше росла, увеличивались раздражение и ненависть к нему со стороны Вены, причем в такой степени, что при упоминании уже одного его имени Меттерних, отличавшийся уравновешенностью, выходил из себя. Если бы это было не так, тогда наверняка сей всемогущий муж в один прекрасный день не пригласил бы к себе Баттяни и не пытался бы воздействовать на него, заявив, что, если он как можно скорее не возьмется за ум, а будет и дальше идти по избранному пути, то рано или поздно кончит на виселице.

Старания Меттерниха были напрасны: Баттяни был сделан не из того материала, чтобы его можно было поколебать и заставить отказаться от своих убеждений подобными запуги-

¹ Верешмарти М. (1800—1855) — известный венгерский поэт-романтик, сторонник Кошута в период революции и национальной освободительной борьбы 1848—1849 годов.

ваниями. Однако Меттерних не верил, что существуют такие непреклонные люди, и поэтому в марте 1846 года уже начал угрожать тем, что инспирирует крестьян, всегда готовых выступить против помещиков, чтобы они прикончили и Баттьяни, и Кошута, — как он проделал это с галицийскими бунтовщиками¹. Но Баттьяни и после этого не дрогнул, разве что это поддержало его решимость ликвидацию крепостного права считать впрямь не просто одной из проблем, ждущих своего решения, а *самой важной проблемой*, такой проблемой, решение которой не только является одним из основных условий установления капиталистических отношений, но и первейше предпосылкой разрушения стены, которая разделяла либеральные дворянские круги, борющиеся за буржуазную перестройку, и крестьянские массы.

Готовясь к следующей сессии государственного собрания, которая должна была состояться в ноябре 1847 года, Баттьяни задумался над тем, что нужно предпринять, чтобы в конце концов успешно решить проблему отмены крепостнических отношений. Он, как и другие либералы, исходил из того, что принятый в 1840 году закон о выкупе не распутал узла, и он разрешил крепостным выкупить за собственные деньги все дальнейшие повинности. В действительности же этот закон помогал лишь весьма небольшому числу людей, поскольку огромному большинству крепостных не располагало деньгами, необходимыми для выкупа, такими деньгами, которые требовал помещик. И так, что же следовало сделать, чтобы и на практике "осуществилась возможность выкупа"? Во-первых, было необходимо "изыскать из государственного источника деньги, которые могли бы получать займы желающие выкупить себя крестьяне. Во-вторых, следовало определить те справедливые суммы выкупа, сверх которых крепостные уже ничего не должны были бы уплачивать. В-третьих, следовало заявить, что когда "необходимые для выкупа условия налицо, невозможно чинить препятствия освобождению данных лиц": в этих случаях помещик всегда обязан согласиться на выкуп. Наконец, последнее: чтобы и государству не причинило затруднений обеспечение необходимого капитала для займов, следует обложить налогом дворян, которые продолжали оставаться свободными от обязанности уплаты налогов.

Баттьяни хорошо понимал, что добиться принятия этих требований — далеко не простое дело. И уже поэтому он развернул невиданную по масштабам предвыборную кампанию за то, чтобы в зале государственного собрания мог занять свое место Кошут в качестве одного из депутатов комитета

Пешт, задававшего тон оппозиционным депутатам государственного собрания. И когда усилия Баттьяни были увенчаны в день выборов полным успехом, он в ноябре с таким спокойствием направился в Пожонь, что там даже консерваторы в нижней палате склонны были считать его своим человеком. И он старался полностью использовать возникшие преимущества в ходе повседневной работы сессии. Он систематически участвовал в совещаниях, призванных согласовать позиции и действия ведущих политиков оппозиции обеих палат. Но предварительно на специальных встречах с Кошутом он почти ежедневно согласовывал с глазу на глаз до самых мелких деталей тактику, которой надлежало придерживаться; так что Сеченьи, вновь и вновь наблюдая полную согласованность высказываний их обоих, отшлифованную гармонию их деятельности, не без основания однажды уподобил ее работе кузнеца-молотобойца и раздувальщика.

Однако то, что Сеченьи теперь, пожалуй, с большей, чем когда-либо, озабоченностью наблюдал за деятельностью Баттьяни, не может быть объяснено связью только с установившимся у него с Кошутом тесным сотрудничеством: значительную роль в этом сыграло то обстоятельство, что Баттьяни на этой сессии государственного собрания снова поставил в центр внимания проблему австрийских наследственных провинций и к тому же на этот раз не только ради того, чтобы устрашающими примерами подкрепить мысль о том, в какое положение правительство, если бы могло, поставило и Венгрию, но главным образом затем, чтобы потребовать в духе принятой несколько месяцев назад программы Партии оппозиции — Манифеста оппозиции — конституционного управления и для наследственных провинций, вывернув наизнанку именно его, Сеченьи, аргументацию. Ведь Сеченьи, призывая оппозицию к терпению и уступчивости, аргументировал это не в последнюю очередь тем, что, если Венгрия привязывается к наследственным провинциям вековые "брачные узы" и если мы хотим, чтобы эти узы в будущем были не обременительнее, а плодотворнее, то мы должны стремиться не к умножению различий, существующих между двумя частями империи, а, наоборот, к уменьшению их. Баттьяни же в своей большой речи, прозвучавшей в ходе прений в верхней палате в связи с обсуждением ответного послания государственного собрания на послание короля, посчитал необходимым сослаться именно на этот аргумент, только присовокупив к нему, что в той мере, в какой Сеченьи на примере упомянутого им "смешанного брака" счел возможным требовать уступчивости, в такой же мере спорно, почему только Венгрия должна быть связана этими "смешанными брачными узами" и почему только Венгрия должна проявлять уступчивость.

¹ Речь идет о восстании 1846 года в Галиции, в ходе которого австрийские власти использовали крестьян против шляхты.

— Я спрашиваю: если нам столько раз напоминают, что мы не имели в виду конечные последствия наших справедливых конституционных требований, более того, чтобы мы постоянно принимали во внимание наш "смешанный брак", спрашиваю, не так же ли правомерно, чтобы подобное же предложение было адресовано более сильной половине монархической Венгрии, чтобы и венский оракул... остерегался возможных последствий абсолютизма?.. Более того, чтобы и он видоизменял свои постулаты и свои догмы с учетом величины и значения фактора [то есть Венгрии], ни симпатии, ни интересы которого не совпадают с абсолютистским строем...

И из этого он сделал вывод о том, что нужно, следовательно, справлять отходную по тому господствовавшему наследственным провинциям правительственному строю, который никогда не искал и никогда не находил себе опоры, иных гарантий, "кроме как антипатии одних национальностей Австрии к другим", — строю, опорой которого в духовной сфере являлась бюрократия, а в материальной — датские штыки. Затем Баттяни распорядился об издании немецкого перевода этой речи в тысяче экземпляров, дабы помочь раскрыть глаза и самым заинтересованным — жителям наследственных провинций.

С этой позиции Баттяни не сходит и в последующие месяцы. Более того, когда в конце февраля 1848 года в Пожоры пришли первые, еще не проверенные известия о разразившейся в Париже 24 февраля революции, Кошут и он садятся за письменный стол, чтобы сформулировать проект известной послания государственного собрания королю (который 1 марта был принят уже всем составом депутатов); именно побудил Кошута сформулировать в этом документе только основные требования Венгрии, но и потребовать образования Австрии в конституционную монархию. Поскольку же и перевод этого текста тоже быстро дошел до Австрии и стал своего рода катализатором бурно происходившей там революционного брожения, то и Баттяни совсемно спешивал тому, что 13 марта и в Вене вспыхнула революция, вынудившая немедленно уйти в отставку Меттерниха и его поны. Когда же затем на следующий день и верхняя палата принимает наконец проект Кошута, а на третий день сам Баттяни в качестве члена делегации государственного собрания едет в Вену, чтобы представить этот документ на подпись императору Австрии и королю Венгрии Фердинанду, то спустя два дня он возвращается в качестве главы первого самостоятельного парламентского правительства Венгрии. (Ему в это время едва исполнился сорок один год.)

Начиная с этого времени Баттяни плечом к плечу с Кошут не устануно трудится над тем, чтобы государственное

образование как можно скорее приняло статьи закона, фиксирующие правовые основы буржуазных преобразований, и в первую очередь те, которые могли бы активно послужить успокоению крестьянства. И на следующий день после завершения венских переговоров, 18 марта, обеими палатами уже были приняты законопроекты как о всеобщем налогообложении, так и об отмене крепостнических отношений. Последний же не только провозглашал немедленное освобождение крепостных от барщинных повинностей, но и подтверждал, что помещики-землевладельцы не могут требовать от них за это никакой компенсации, а получают денежное возмещение из государственной казны, способ которого должен определить позднее следующая сессия государственного собрания.

И этот новый успех мог вызвать у Баттяни явное чувство удовлетворения — но только в самом начале. Потому что часть помещиков, еще 18 марта голосовавших вместе с ним, отчас же пожалела, что, поддавшись первому порыву, проявила такое великодушие, и постепенно эти помещики все в большем числе стали обхаживать законодателей (даже исповедовавших либеральные взгляды), а те все больше начали думать о лазейках, не учитывая того, насколько глубоко была заинтересована страна, да и они сами, в том, чтобы народ предъ видел в них не своих угнетателей, а доброжелателей. Худшие положения не осталось секретом и для Баттяни — ведь многие господа оппозиционеры открыто упрекали его в том, что он обманул их ("или сам дал себя обмануть"); а один из них, граф Антал Сапари, прямо явил ему:

— Если не будет компенсации, я пристрелю тебя.

Однако для Баттяни было неприемлемо, чтобы кто-то восторженно ставил под вопрос определенные 18 марта рамки освобождения крепостных крестьян, а тем самым и прочувствую глазами почитателей законов был равнозначен святотатству: в глазах местного управления, в котором разрешил немедленно обнародовать повсюду законы, принятые пять дней назад, поскольку еще не были утверждены королем). Этим шагом, который стал кульминацией всей его политической карьеры, он сразу же добился двух результатов. Один — это то, что под влиянием добрых вестей миллионы крестьян действительно стремительно стали освобождаться от своей вековой ненависти к господам. И не только освобождаться; вместо в душах крестьян сразу возникло чувство благодарности и доверия к дворянам, добившимся их освобождения от кре-

постной зависимости. Об этом лучше всего свидетельствует родившаяся в то время словацкая народная песня:

Кошут и Баттяни
Принесли свободу,
Пусть бог защитит их
В Венгрии повсюду.

По всей Венгрии всюду
Барабанным боем:
"Кошут и Баттяни
Дали нам волю!"

Другой результат, которого добился Баттяни, обнародовав распоряжения, касавшиеся освобождения крестьян крепостной зависимости, заключался в том, что, в то время как массы крестьян прониклись чувством симпатии к последним дворянским политикам, и именно благодаря последнему стало ясно — в том числе и тем, кто всех думал о последующем внесении изменений в статью закона, принятого 18 марта, — что, как бы чувствительна затрагивала их отмена их доходов от барщины, возмущения к ним больше нет, ибо если они вызовут разочарование крестьян, считающих освобождение от крепостной зависимости уже окончательно решенным делом, то они могут попасть в большую беду.

В связи с этим Баттяни стремился не только внушить им колеблющимся сподвижникам страх перед вероятными волнениями крестьянских масс, но и по мере возможности успокоить их. Он провел через государственное собрание проект создания такого кредитного учреждения, которое из государственной казны авансировало бы помещикам суммы, компенсирующие их потери, но подлежащие к плате только впоследствии. Затем, когда некоторые представители высшего сословия попросили, чтобы покрытие пенсий закон возложил не только на фонды казны, но и мимо них, на все общественные доходы страны, Баттяни сразу же согласился с этим. И наконец, когда ему стало известно, что комитатские власти, получив циркуляр от 23 марта, выйдя за рамки статей закона, освободили крестьян только от бремени таких феодальных повинностей, которые возлагались на них за пользование барщинными наделами и от повинностей, которые были связаны с использованием других, небарщинных земель, он поспешно провел через государственное собрание новое решение, которое четко провозгласило, что должно подпадать под понятие барщинных повинностей, тем самым положив конец распространению

будущем и на другие крестьянские земельные владения закона об освобождении от крепостной зависимости.

В результате подобных мер вокруг Баттяни и его рождившегося правительства начал группироваться такой широкий лагерь, в котором, казалось, нашли свое место и самые богатые помещики, и самые бедные крестьяне. Подобный поворот дел он со своей стороны использовал в качестве средства для того, чтобы добиться в Вене самостоятельности своего правительства во внутренних делах. И Габсбурги, оказавшись в весьма трудном положении еще вследствие венского восстания 13 марта и еще больше загнанные в угол начавшейся 15 марта революцией в Пеште и вооруженной освободительной борьбой, вспыхнувшей в североитальянских провинциях империи 18 марта, не будучи в состоянии предпринять ничего

другого, наконец согласились на все существенные требования Баттяни, хотя эту уступку они со своей стороны ни на минуту не считали окончательной. И впоследствии многие старались вину Баттяни и его соратникам то, что своей неумеренностью и особенно мерами, которые красноречиво свидетельствовали об отсутствии уважения к имперским интересам царствующей династии и о нежелании упорядочения в будущем отношений между Австрией и Венгрией в духе, благоприятном и приемлемом и для другой стороны, именно они и именно тогда вергли Венгрию в несчастье.

Однако это обвинение безосновательно. Ибо истина состоит в том, что Баттяни и его сподвижники со всей решимостью стремились вырвать Венгрию из того подчиненного по отношению к австрийско-чешским провинциям положения, в котором она находилась до сего времени, и поэтому, исходя из убеждения, что ликвидация подчиненности не может быть осуществлена, пока внешние факторы могут — как это имело место до сих пор — решающим образом вмешиваться во внутренние дела страны, Баттяни в мартовские дни со всей решительностью выражает ту точку зрения, что участие государя в делах внутреннего управления страной впредь не должно выходить за рамки утверждения законов, принятых венгерским государственным собранием. Беда лишь в том, что ликвидация подчиненности страны Баттяни и его соратники пытались добиться, не добываясь слома империи и не посягая на положение Австрии как великой державы. И они не только для вида не ратовали за полную независимость Венгрии от Австрии, но и даже в глубине души не вынашивали подобных планов. Хотя бы уже потому, что их больше всего тревожили национальные движения внутри Венгрии.

Поэтому Баттяни и его сторонники неоднократно выражали пожелание, чтобы империя в будущем проявляла боль-

ше внимания представительству венгерских интересов и что бы венгерское правительство могло непосредственно осуществлять внешние отношения с другими государствами; однако с пожеланиями о создании самостоятельного венгерского министерства иностранных дел они не выступали. Но зато они настойчиво требовали создания военного министерства в Венгрии и чтобы дислоцированные в Венгрии части императорской армии подчинялись бы только этому министерству. Что же касается тех предложений, которые были высказаны сразу же после начала революции и в соответствии с которыми следовало ликвидировать общность с императорской армией создать самостоятельную венгерскую армию, то от них Баттяни и его соратники единодушно отмежевались.

И можно легко доказать, насколько серьезно все это впрямую они стремились также к согласованию специфических венгерских интересов со специфическими австрийскими интересами. Это подтверждает хотя бы то, что члену правительства в обязанности которого входило поддержание связи с королевской особой, поручалось как раз осуществление "контактов с Австрией". Это доказывается и тем, что, когда формировалась и в Австрии парламентарное правительство после венской революции попросило в мае от правительства Баттяни направить в Вену смешанную комиссию для решения важнейших из не решенных еще вопросов, затрагивавших обе стороны, он без промедления дал положительный ответ и для переговоров сразу же назначил своего уполномоченного лица наиболее подходящей фигуры — государственного секретаря министерства при королевской особе. И в ответ на это именно австрийское правительство заявило, что оно считает это дело столь срочным и что смешанная комиссия может удовлетвориться и обсуждением второстепенных вопросов, так что достаточно будет, если австрийскую сторону на переговорах будет представлять один из начальников отделов министерства финансов.

Таким образом, венские придворные круги вообще не могли утверждать, что Баттяни и его соратники неуважительно относились к требованиям единства империи или к специфическим австрийским интересам. Чтобы эти круги с самого начала с крайней подозрительностью и неприязнью взирали на то, что творится в Венгрии начиная с марта месяца, вполне достаточно было и того, что делала Баттяни и его сподвижники с целью достижения *внутренней* самостоятельности. Потому что, если даже Баттяни и его приверженцы с уважением относились к имперским, иначе говоря, австрийским интересам, то не было никакой гарантии, что они (или их ближайшие соратники) всегда будут проявлять готовность точно таким же образом действовать и впредь в защиту этих интересов, как

того ждали венские придворные круги. И если они однажды получат возможность свободно распоряжаться внутренними ресурсами Венгрии, то в случае расхождения во взглядах они весьма существенным образом смогут осложнить проведение в жизнь предписанных венскими придворными кругами мер и распоряжений. Так это и случилось в самом начале апреля, когда в ответ на пожелание двора, чтобы венгерское правительство (формально еще не вступившее в свои права) поспешило на помощь имперским войскам, сражавшимся против итальянских борцов за свободу, и послало в Северную Италию большой контингент венгерских новобранцев, Баттяни и его соратники заняли в этом вопросе резко отрицательную позицию, заявив устами Баттяни и Кошута, что об этом не может быть и речи; даже Сечени, видя внезапно пошатнувшееся после победы венской революции положение Габсбургов, сразу признал правильность политики бывшей оппозиции и согласился принять пост в формирувавшемся правительстве. Самостоятельность венгерского правительства во внутренних делах могла беспокоить не только придворные круги, она могла быть бельмом на глазу и у стоявших во главе австрийского революционного движения буржуазных элементов — ведь буржуазия наследственных провинций до сих пор извлекала весьма большую выгоду из подчиненного положения Венгрии и поэтому была неспособна примириться с изменением ситуации.

Однако даже несмотря на это, Баттяни и его сподвижники не могли отказаться от внутренней самостоятельности — ведь для того, чтобы капиталистические отношения наконец-то могли получить быстрое распространение в Венгрии, было необходимо, чтобы курс в стране могли по своему усмотрению определять такие люди, которые и сами были бы непосредственно заинтересованы в как можно более беспрепятственном распространении в Венгрии капиталистических отношений. И естественно (по крайней мере это сделает несомненным развитие страны после 1867 года)¹, что Баттяни и его сторонники в марте 1848 года несколько в большей степени, чем следовало бы для ликвидации бывлой подчиненности страны и для обеспечения в будущем ее быстрого развития, стали угрожать внутриуправленческую самостоятельность. Нет, однако, никаких доказательств того, да и вообще это нельзя считать вероятным, что если бы они тогда с самого начала выступили с более скромными требованиями в этом отношении,

¹ Имеется в виду австро-венгерское соглашение 1867 года, превратившее империю Габсбургов в двухцентровую Австро-Венгерскую монархию с двумя самостоятельными во внутренних делах государствами — Австрией и Венгрией.

что если бы они с самого начала попробовали "выжать" и Габсбургов лишь незначительные уступки, то они тем самым смогли бы предотвратить последующее наступление контрреволюции и обеспечить прочность этих, пусть незначительных уступок без последующей вооруженной конфронтации. В конце концов, история знает весьма мало примеров тому, чтобы власть имущие отказались хотя бы от самых малых атрибутов своей власти, пока со всей очевидностью не становилось ясно, что у них нет иного выбора.

Иначе говоря, беда не в том, что Баттяни и его окружение в мартовские дни стремились завоевать для Венгрии возможно более полное самостоятельное внутреннее управление, а в том, что — переоценивая тогда весомость и стабильность факторов, вынуждавших временно (но только временно) Габсбургов к отступлению, — они считали борьбу уже законченной в результате завоеванной в марте в конце концов победы и, полагая, что все происшедшие затем события венские правящие круги также рассматривали окончательными и бесповоротными, Баттяни и его соратники пока еще не считали вероятной угрозу последующего контрреволюционного удара. Еще точнее, свои расчеты Баттяни строил на предположении, что подобного контрреволюционного выступления в дальнейшем следует опасаться лишь в том случае, если в придворных кругах в последующие месяцы по какой-либо причине возобладает мнение, что венгры не удовлетворятся уступками, сделанными им в марте, и в добавление к ним захотят получить еще и другие, дополнительные уступки; кроме того, по их мнению, наступательный дух придворных кругов помог приостановить возможное ослабление столь разрывавшегося в марте 1848 года лагеря венгерской революции. Чем-либо иным вряд ли можно объяснить, что Баттяни, как в мартовские дни, так и позднее, всеми силами старался сгладить внутренние противоречия того исключительно "пестрого ансамбля", который встал под знамена революции; более того, он постепенно пытался внушить доброжелательное отношение к своему делу и таким элементам, которые до марта даже в марте решительно выступали против дела реформ и революции, и одновременно предпринимал новые шаги с целью практического осуществления самостоятельности внутреннего управления; но во всех случаях действовал только до тех пор, пока не проникался подозрением, что его дальнейшие шаги в этом направлении венские правящие круги могли бы расценить как попытки, направленные на расширение определенных в марте рамок внутриуправленческой самостоятельности.

О том, что Баттяни и его правительство действительно ставили превыше всего сохранение целостности революционного лагеря, со всей определенностью свидетельствуют соб-

тия, связанные с организацией национальной гвардии. Когда к середине апреля стало известно, что в селах многие отказываются от вступления в национальную гвардию, Баттяни поспешно дал указание всем заинтересованным властям "пока не проводить запись в национальную гвардию в тех местах, где проявляется антипатия". И поступил он так, очевидно, к ней проявляясь антипатия". И поступил он так, очевидно, потому, что, сколь важным ни казалось ему создание революционных вооруженных сил, еще более важным он считал не допустить, чтобы возможное применение насильственных средств вновь породило страх и ненависть, которые испытывали до марта крестьянские массы к комитатским властям, управлявшимся дворянами. Или когда почти в то же время управлявшиеся Буды и Пешта выступили с требованием, чтобы правительство запретило принимать евреев в национальную гвардию, а совет министров, обсуждавший это требование, хотя и воздерживался от подобного вопиющего нарушения закона о национальной гвардии, который не делал никаких исключений по религиозной принадлежности граждан, Баттяни, несмотря на то что, как и подобает убежденному либералу, был сторонником равноправия евреев и, сколько бы ни встречался до сих пор с антиеврейскими выступлениями, всегда считал своим долгом дать им отпор, все же стал убеждать пештских евреев пока "добровольно" отказаться от своего права вступать в национальную гвардию. И это он сделал ради того, чтобы не оттолкнуть от общего дела преобразований ни их, ни антиеврейски настроенных граждан.

Аналогичны по своей нацеленности и те шаги, которые предприняли его коллеги-министры для решения самых насущных для народных масс проблем. Когда, например, Клаузал, назначенный министром земледелия, промышленности и торговли, начал проводить такую цеховую реформу, которая значительно облегчила положение рабочих, Баттяни, однако, не поддержал полную отмену феодальных рамок цехов, что в немалой мере способствовало успокоению цеховых мастеров. Аналогичную пассивную позицию он занял и тогда, когда стоявший во главе министерства юстиции Деак разработал законопроект, предусматривавший дальнейшие меры по освобождению крепостных крестьян. В случае его принятия для них создавалась возможность освободиться и от повинностей за пользование небарщинными наделами, но денежную компенсацию помещикам должны были выплачивать сами крестьяне. Деак ожидал, что принятие этого законопроекта удовлетворит не только заинтересованных крестьян, но с одобрением будет встречено и помещиками. Ибо их повергло бы в безграничное отчаяние, если бы законодательная власть избрала бы более радикальное решение: если бы и выплата этих компенсационных сумм была

возложена на государственную казну, пустую, как дырявая бочка, и неспособную поэтому пока даже на уплату тех компенсационных сумм, которые были определены в соответствии с мартовским декретом об освобождении крепостных крестьян.

И со всем этим с самого начала полностью согласуется тот стиль поведения, который характеризует отношение Баттяни и либеральной руководящей гвардии революции к вернейшей оппозиции правительственной политике — как слева, так и справа. Суть же этого поведения в том, чтобы, с одной стороны, сорвать любую попытку, направленную на подрыв руководящей роли либералов; с другой же стороны, добиваясь сближения оппозиционных направлений и, насколько возможно, сблизиться с либеральным руководством. Эта линия поведения хорошо прослеживается и в тех мерах, которые принял Баттяни 23 марта, чтобы заткнуть рот левым критикам политики либералов, когда он, с одной стороны, направил в Пешт Клаузала и кандидата на пост министра внутренних дел Бергалану Семере с тем, чтобы они положили конец руководящей роли в революции, которую играли с 15 марта Петефи и его радикальная группа, и позаботились о том, чтобы и в Пеште возобладала по всем линиям воля либералов; с другой стороны, узнав о том, что принятый за три дня до того государственным собранием (как раз по инициативе Семере) закон о печати, связывавший право издания газет с предварительной уплатой достаточно большой денежной гарантии, вызвал большое возмущение у группы Петефи, считавшей свободу печати священным делом, именно он, Баттяни, и тоже 23 марта, для успокоения радикалов внес предложение, чтобы государственное собрание вновь рассмотрело этот вопрос и сократило сумму гарантированного взноса ровно вдвое.

Но об этой же самой политике свидетельствует и поведение Баттяни по отношению к консерваторам. Он, например, даже несмотря на протесты Сеченьи, настаивал на том, чтобы из руководства комитатских органов власти, столь важного с точки зрения укрепления позиций либералов в государстве, сразу же после вступления в свои права правительства, были удалены верные двору губернаторы и наместники губернаторов, а на их место всюду назначены убежденные сторонники буржуазных преобразований; для того чтобы консерваторам не достались одни "колючки", он кое-кого из них назначил на другие посты (и отнюдь не на второстепенные!), но при условии, если это сулило повысить шансы правительственной политики. Из подобных соображений и примера ради министром при особе короля в его правительстве должен был стать не граф Ласло Телеки или барон Жигмонд Переньи (оба либера-

лы), а хорошо известный и за границей вследствие своей долгой дипломатической службы и весьма уважаемый князь Пал Эстерхази — представитель одного из самых богатых аристократических семейств Венгрии, принадлежавший, однако, к партии консерваторов. Из этих же соображений Баттяни добился в июне назначения королевским комиссаром Трансильвании одного из основателей консервативной партии, барона Миклоша Вая, которого именно в силу его партийной принадлежности он считал особенно подходящим для того, чтобы своей деятельностью он привлек как можно больше людей, в первую очередь из среды консервативного трансильванского дворянства, на сторону преобразований. Из таких же соображений он добился назначения на пост главнокомандующего войсками в Венгрии также одного из основателей консервативной партии, генерал-лейтенанта барона Яноша Храбовски. Правда, более подходящую кандидатуру на этот пост он все равно не очень-то и смог бы найти, коль скоро считал обязательным, чтобы новый главнокомандующий принадлежал к среде генералов императорской армии (так как существовало опасение, что в противном случае значительная часть служивших в Венгрии императорских офицеров тотчас же откажется бы повиноваться правительству).

И если мы рассмотрим в отдельности каждую из подобных попыток Баттяни, то мы сможем констатировать, что среди них есть такие, которые имели успех, но есть и такие, которые лишь в очень малой степени либо на весьма короткое время послужили на пользу делу буржуазных преобразований. Князь Эстерхази, например, приняв пост министра, сослужил этим, несомненно, добрую службу правительству. Однако впоследствии он столько же и навредил ему; когда в начале сентября стало ясно, что Венгрии уже грозит открытое выступление контрреволюции, от тотчас же и демонстративно отказался от своего поста. Какое-то время и Храбовски оправдывал возлагавшиеся на него надежды в связи с назначением на пост главнокомандующего, но, когда в сентябре находившиеся в Хорватии императорские войска вторглись в Венгрию и Баттяни попросил его принять командование над предназначенными для их отражения задунайскими венгерскими войсками, он наотрез отказался, тем самым облегчив положение противника — ведь их главнокомандующим был хорватский бан (наместник короля) барон И.Елачич, то есть такой военачальник, равным которому у венгерской стороны мог быть только Храбовски. Теперь, после того как он отказался от поста главнокомандующего, в лагерь Елачича стали в большом количестве перебегать императорские офицеры и даже целые воинские части, входившие в состав венгерского военного округа. Мало пользы принес и законопроект Деака,

ставивший целью подать пример в деле дальнейшего расширения рамок законов об освобождении от крепостной зависимости, поскольку заинтересованных в этом крестьян было бы удовлетворить лишь то, если бы им не вменялось в обязанность нести возложенное на них и после марта бремене денежных компенсаций за отмену феодальных повинностей, поскольку этот законопроект был обнародован только сентября, законом он так и не стал.

Однако если мы будем рассматривать те попытки, которые предпринимали Баттяни и его правительство в интересах упрочения и расширения революционного лагеря не в отдельности, а в целом в их совокупности, то мы должны оценивать их как направленные на благо революции, даже если в отдельных случаях они и приводили к замедлению законодательного оформления буржуазных отношений. Совершенно очевидно, что если осенью 1848 года революция относительно односторонне, без существенных внутренних разногласий смогла отреагировать на вооруженное нападение контрреволюции и то от этого дело буржуазных преобразований получило значительно большую пользу, чем если бы правительство в течение предыдущих месяцев огнем и мечом проводило в жизнь организацию национальной гвардии во всех деревнях страны или если бы в течение считанных дней покончило с старой системой, введя полную свободу промышленности. Подобные мероприятия сделали бы противниками революции множество людей, в общем-то довольных мартовским поворотом либо примирившихся с ним.

По-иному, однако, обстоит дело с деятельностью, которую развил Баттяни после марта для того, чтобы на деле осуществить (но не возбуждая при этом опасений венских придворных кругов) провозглашенную мартовскими законами существовавшую пока еще только на бумаге самостоятельность внутреннего управления. Это лучше всего можно проследить на его усилиях по организации армии. Ведь с самого начала он вынужден был этим заниматься как человек, оказавшийся между двумя жерновами. Ибо для него было очевидно с самого начала, что двор посчитает за тяжелое ущемление своих интересов нарушение целостности императорской армии и создание обособленной венгерской армии. Но было ясно и то, что самостоятельность внутреннего управления Венгрии может лишь тогда стать реальностью, когда в стране появится достаточно многочисленная вооруженная сила, которая будет беспрекословно подчиняться венгерскому правительству; что же касается дислоцированных в Венгрии в момент начала революции императорских войск, сформированных в большинстве своем в других провинциях империи, то нельзя было считать такой вооруженной силой.

Так что же мог сделать Баттяни для решения этой проблемы? В мартовские дни он, с одной стороны, выступил против предложений, направленных на создание самостоятельной венгерской армии, а, с другой, еще 23 марта обратился с просьбой к венскому двору отправить в Венгрию из числа дислоцированных за ее пределами венгерских солдат приблизительно 15—20 тыс. Практически это означало, что на родину должны быть возвращены все венгерские солдаты, находившиеся в других провинциях империи и не брошенные пока в бой в Северной Италии. И эту просьбу правительство трижды повторило в апреле, настойчиво подчеркивая при этом, что оно ни в малейшей степени не намерено осложнить "нынешнее неудобное положение всей монархии", но с такой же настойчивостью оно подчеркивало, что не может все же отказаться от возвращения венгерских солдат (неиспользуемых в Италии), ибо оно "не хочет допустить, чтобы страна стала жертвой анархии и беспорядков". К этому правительство присовокупило, что если его просьба останется безответной и "по-прежнему будут чиниться препятствия возвращению солдат, необходимых для поддержания должного общественного порядка", то оно будет вынуждено рассмотреть вопрос "о создании добровольческой охранной армии".

Идея "охранной добровольческой армии" тогда еще не свидетельствовала о наличии реального плана: это была только угроза, рассчитанная на то, чтобы сделать двор более податливым. Однако придворные круги и в мыслях не имели укрепление положения венгерского правительства и поэтому не спешили с возвращением на родину дислоцированных за ее пределами венгерских солдат. Но к середине мая для Баттяни его сподвижников становится очевидным то, что радикалы давно уже твердили: нельзя ограничиваться только бомбардировкой Вены просьбами и угрозами. Ведь открывавшееся 13 мая в Карлоце¹ сербское национальное собрание не оставляло никаких сомнений в том, что недовольные узкопартийной венгерской национальной политикой венгерские сербы при поддержке сербов из княжества Сербия вскоре начнут вооруженную борьбу против венгерской революции. Что же касается того, что в надвигавшейся пробе сил правительство могло возлагать лишь весьма малые надежды на находившиеся в тот момент в пределах Венгрии императорские войска, то об этом со всей красноречивостью свидетельствовал пример будайского гарнизона, который жестоко подавил выступление демонстрантов, организованное 10 мая группой левой молодежи против тогдашнего главнокомандующего императорскими войсками в Венгрии генерала кавалерии Игнаца Ледерера.

¹ Ныне Карловац (СФРЮ).

Итак, для Баттяни не оставалось иного выбора, кроме как перейти от угрозы со стороны правительства в адрес Баттяни к делу: 16 мая он провозгласил создание первых десяти батальонов, формируемых из добровольцев-гонведов¹. А что и этот шаг не побудил двор к принятию контрмер, было действительно подчеркнуто, что новое вооруженное формирование — это не армия, а лишь пополнение для национальной гвардии. На самом же деле гонведские батальоны формировались по типу регулярной армии, и, коль скоро Баттяни вынужден был прибегнуть к этой мере, он делал все возможное для того, чтобы они как можно скорее стали боеспособными подразделениями и как можно скорее могли быть брошены в бой.

Но он не хотел бы до предела натягивать струну. Поэтому правительство, прекрасно понимая, что десять батальонов это меньше того, что нужно, 6 июня, когда их формирование в основном завершилось, приняло решение о том, чтобы в следующие недели продолжить вербовку, но уже не с целью формирования новых гонведских батальонов, а для того, чтобы из вновь поступавших добровольцев создать новые батальоны в рамках венгерских полков императорской армии. Однако эта попытка потерпела фиаско; в течение нескольких дней стало совершенно очевидно, что "пополнение венгерских регулярных полков добровольцами — по желанию военного министра Лазара Месароша — не вызвало особых симпатий у нации...". Таким образом, 11 июня правительство во изменение принятого за пять дней до того своего же решения постановило все же продолжать формирование новых гонведских батальонов.

В то же время находившемуся как раз при дворе с целью переговоров Баттяни удалось добиться того, что император, несмотря на возражения наследника престола эрцгерцога Карла Франца, утвердил принятую открывшимся в Конак Трансильванским государственным собранием статью о воссоединении Трансильвании и Венгрии. Одновременно был отстранен от исполнения функций бана Хорватии Елачич, который, используя в качестве предлога безучастное отношение венгерской революции к требованиям хорватского национального движения, с самого начала открыто выступил против венгерского правительства. К тому же Елачич сумел "выжать" у одного из дядей императора, весьма популярного в Хорватии эрцгерцога Иоганна, обещание, что сам выступит в роли посредника в целях успокоения хорватов

сближения их с венгерским правительством. После этого, однако, эрцгерцог Иоганн отнюдь не перетруждал себя в роли посредника; Елачич же (получив секретные контрукказания противоположного характера) ни на минуту не думал о действительном прекращении функций бана и продолжал трудиться над тем, чтобы превратить Хорватию в прочный бастион контрреволюции; правительство же пока было преисполнено спокойствия, вызванного результатами поездки премьер-министра в Вену. И поскольку 17 июня, через три дня после возвращения Баттяни в Пешт, наконец прибыли с большим трудом отпущенные из Австрии на родину два батальона одного из венгерских полков императорской армии, у министров сразу же появился повод для того, чтобы с еще большим спокойствием взирать на складывающееся положение (хотя возвращение этих двух батальонов в течение долгих месяцев явилось единичным явлением, так и не получившим своего продолжения). Таким образом, 18 июня правительство, вновь изменив свое предыдущее решение, постановило все же не приступать к формированию новых гонведских батальонов. И хотя в южной части Венгрии в то время уже шли тяжелые кровавые бои, невзирая на это, вплоть до самой середины августа оно пыталось восполнить недостаток вооруженных сил, способных защищать революцию, лишь призывом на несколько недель для полевой службы весьма слабых в военном отношении подразделений национальной гвардии.

Однако Баттяни и его соратники тоже с самого начала понимали, что это не может быть окончательным решением вопроса. Поэтому правительство уже 2 июля приняло еще одно, более важное решение, предложив открывавшемуся через три дня новому государственному собранию¹ срочно принять резолюцию относительно выставления 200 тыс. рекрутов, то есть такого количества, какое еще ни одно государственное собрание никогда не рекомендовало выставить для нужд императорской армии. Однако пока оставался открытым вопрос о том, будут ли эти новобранцы использованы для формирования новых гонведских батальонов или для пополнения венгерских регулярных полков. Другое дополнительное распоряжение появилось уже в течение 48 часов. Поскольку стало очевидным, что резолюция о развертывании такого количества вооруженных сил, даже в случае, если новобранцы будут использованы для пополнения императорских регулярных полков, все равно может вызвать большое недоверие в Вене, Бат-

¹ Гонвед (венг. — honvéd) — букв. защитник родины; так называли солдат революции 1848 — 1849 годов.

¹ Новое государственное собрание в отличие от прежнего сословного представляло собой буржуазный парламент, избранный на основе народного представительства.

тани, который три месяца назад еще категорически не соглашался с тем, чтобы венгерское правительство послало подкрепления в Италию, теперь, 4 июля, на заседании совета министров, ко всеобщему удивлению, предложил, чтобы правительство испросило у государственного собрания полномочия на отправку в Италию первых 40 тыс. из выставляемых новобранцев. К этому предложению тут же присоединились все присутствующие, начиная с Сечени, который в апреле решительно выступал против этой идеи, и кончая Кошутом. Кошут, правда, с определенными оговорками предложил — и это удалось провести ему в жизнь — отправку новобранцев в Италию обусловить встречным требованием правительства ко двору, чтобы последний сначала оказал сдерживающее влияние на хорватских и сербских мятежников.

А государственное собрание еще в июле приняло резолюцию о выставлении 200 тыс. новобранцев, а затем, несмотря на протест левого меньшинства палаты депутатов, проголосовало и за помощь войскам в Италии, обусловив это оговоркой Кошута. Однако после случившегося в марте и это уже не могло успокоить венские правящие круги. И не только потому, что инициатива на полях сражений в Ломбардии была в это время уже в руках императорских войск и они теперь не нуждались в подкреплении, а потому, что венские власти — как бы ни складывалось военное положение в Италии и какую бы политику ни проводило правительство Баттiani или венгерское государственное собрание — по-прежнему неизменно считали нетерпимым, чтобы Венгрия окончательно обрела бы такую широкую внутреннюю самостоятельность, которую она завоевала в марте. Таким образом, независимо от того, дружественными или нет были отдельные мероприятия правительства Баттiani, двор по-прежнему продолжал жестко придерживаться той политики, которую он полностью принял еще в марте 1848 года на основе рекомендаций эрцгерцога Стефана, вступившего в права палатина Венгрии в ноябре 1847 года. Суть этой политики сводилась к тому, что до тех пор, пока основная часть военных сил занята борьбой против итальянского освободительного движения, следует не допускать разрыва с венгерскими бунтовщиками; когда же положение в Италии укреплится, нужно немедленно ударить и по венграм. Поэтому, когда в августе вся территория Ломбардии снова оказалась под властью императорских войск, в Вене тотчас же началась подготовка скорейшего вооруженного нападения на Венгрию.

Однако тогда уже знал и Баттiani, что венгерской революции угрожает достаточно большая, непосредственная опасность. Ведь и для него было само собой разумеющимся, что победа императорских войск в Ломбардии расширила свобо-

ду действий венских недоброжелателей Венгрии. К тому времени стало очевидным, что число этих недоброжелателей значительно больше, чем он считал раньше. У него уже не вызывало никакого сомнения то, что Елачич, как и сменявшие друг друга на посту главы австрийского военного министерства императорские генералы — генерал-лейтенант Зинини и генерал-фельдмаршал Латур — отъявленные враги Венгрии. И что от эрцгерцога Карла Франца и от его полновластной супруги эрцгерцогини Софии Венгрия также не может ожидать ничего хорошего — это тоже Баттiani мог подозревать с самого начала, а самое позднее в начале июня он должен был окончательно это понять: ведь тогда он уже непосредственно наблюдал, сколь коварно они действуют, стараясь провалить, не допустить успешного завершения его переговоров со двором. Что же касается тех австрийских министров, которые еще до 1848 года принадлежали к буржуазной или дворянской оппозиции и только в результате мартовской революции поднялись к вершинам власти, то, несмотря на срыв запланированных на май переговоров, Баттiani все еще возлагал на них какие-то надежды. Однако эти надежды не могли долго существовать. В начале июля в Пешт была доставлена нота австрийского правительства, в которой говорилось, что если венгерское правительство не удовлетворит требований Хорватии, то оно не может больше рассчитывать на нейтралитет австрийского правительства. Спустя несколько дней за этой нотой последовал другой документ, из которого уже явствовало, что, поскольку возглавляемое Кошутом министерство финансов с июня не заботится о финансировании заградской военной кассы, австрийское правительство отпустило вместо него требуемые для содержания войск Елачича (отстраненного императором от должности) деньги и ожидает, что венгерское правительство вернет их Австрии.

А когда вскоре пал возглавляемый Пиллерсдорфом кабинет, издавший названные документы, и в пришедшем ему на смену правительстве Вессенберга приобрел особый вес министр внутренних дел барон Доблхоф, у Баттiani снова, наверное, пробудились какие-то надежды — ведь Доблхоф перед мартом играл точно такую же роль в главе сословной оппозиции Нижней Австрии, какую играл он сам, возглавляя венгерскую оппозицию. Но и это переходное состояние оказалось лишь коротким временным отклонением, так как когда Баттiani в самом конце июля снова прибыл в Вену и при встрече с Доблхофом напрямую задал ему вопрос, намерено ли австрийское правительство в соответствии с Прагматической санкцией защищать во взаимодействии с Венгрией "права короны" в Хорватии, то получил на него многозначительный ответ, что „... хорваты, так же как и венгры...

ссылаются на Прагматическую санкцию", и "австрийское правительство еще не видит отчетливо", "какая из сторон более правильно истолковывает Прагматическую санкцию". Таким образом, самое позднее в начале августа уже и Баттани стало ясно, что в Вене и Загребе не просто действуют отдельные враги Венгрии, а что в Вене Венгрии противостояла целая "партия подлецов"; к ней относятся Карл Франц и София, Латур и все австрийское правительство (которое, по его мнению, можно было назвать "неразумным", поскольку оно не понимало схожести своих интересов с венгерскими), а также Елачич, который, разумеется, не задавал тон, а использовался первыми в качестве "слепого орудия". Но то, что эта контрреволюционная камарилья не одна из партий венгерских правящих кругов, а единственная, по существу, партия оказывавшая влияние на всех австрийских политиков, игравшая значительную роль, а также на всех членов правящей династии, — этого Баттани все еще не видел. Он все еще верил, например, в эрцгерцога Иоганна и — что еще хуже — по-прежнему с полным доверием относился и к эрцгерцогу Стефану, с которым его связывали с начала 40-х годов подлинно дружеские личные отношения и которого со времени мартовских событий он считал человеком, охотно готовым помочь (поскольку, желая уберечь царствующую династию от пагубных последствий поспешных решений, он не раз выступал в Вене за удовлетворение некоторых венгерских требований), но который в своих публичных выступлениях все делал для сохранения видимости этой большой дружбы, а на деле не покладая рук трудился над тем, чтобы контрреволюция одержала верх в Венгрии.

Но если на отдельных лиц он все еще взирал через розовые очки, то тот факт, что в Вене антивенгерский лагерь в действительности был значительно больше того, каким он казался ему ранее, — это Баттани, несмотря ни на что, вынужден был признать. И поэтому теперь по мере возможности он даже в большей мере, чем в марте, допускал значительно более свободное развитие событий и даже открыто выражал свой антипатии к Вене. Когда, например, палата депутатов в ответ на заявление одного из симпатизирующих венграм депутатов на франкфуртском всегерманском конституционном собрании, занятом созданием единой Германии, 3 августа в его отсутствие единогласно заявила, что, "если австрийское венское правительство в связи с вопросом о германском единстве ввяжется в войну с объединенной германской державой, оно ни в коей мере не может рассчитывать на помощь Венгрии", — то Баттани, узнав об этом решении, отнюдь не стремился скрыть, что он "рад... тому... что случилось". Потом он написал страстную статью против тех, кто обижает

на то, что наше твердое намерение "убрать... тот реакционный мусор, который еще мешает нашей свободе действий", кто всеми средствами поддерживает "бунтовщиков, восставших против освященного нашим королем закона", и не стесняется "потребовать для мятежников денежного аванса и признать совершенное по отношению к нам предательство". Эту статью он подписал не своим полным именем, а лишь инициалами, но и так каждому стало ясно, что ее автор — венгерский премьер-министр, рукопись же статьи он передал не в официальные "Ведомости" и не в "Пешти хирлап", считавшийся полуофициальным органом правительства, а в редакцию более радикального по сравнению с ними "Вестника" Кошута, очевидно, потому, что и этим хотел дать почувствовать, что правительство в случае необходимости не преминет прибегнуть и к более жестким средствам.

Отныне Баттани не считал нужным скрывать, что Елачич выступил против венгерской революции, руководствуясь не своим личным решением, а по указанию "партии подлецов", и он предал гласности этот факт. В циркуляре, датированном 15 августа, Баттани призвал вооружаться органы местного самоуправления Задунайского края, а "людей реакций" предостерегал о том, что "мы не собираемся ни на кого нападать, но все, как один, готовы отстаивать свою свободу, независимость, свои права". Точно так же он не скрывал, какую радость доставляло ему каждое известие, которое свидетельствовало о том, что наряду с факторами, ведущими к укреплению положения венских правящих кругов, по-прежнему существуют и факторы, действующие и в противоположном направлении. Когда, например, 22 августа на званом вечере Баттани узнал, что венские безработные готовятся к грандиозной антиправительственной демонстрации, он во всеуслышание заявил:

— Как я рад венской заварухе. Только бы она развернулась по-настоящему! — И тут же добавил (разумеется, на основании полученных "с потолка" известий): — В Италии тоже плохи дела. Вполне вероятно французская интервенция. Превосходные новости!

Впрочем, как бы ни возмущали его венские интриги, он все равно ни на мгновение не становился рабом своих страстей. Ведь — что бы он ни сказал 22 августа — в действительности он отчетливо видел, что положение сторонников феодального строя и в Италии, и в Вене было значительно благоприятнее, чем в марте, а в соответствии с этим и их наступательный дух был значительно выше, чем в марте. Отражение же их возможного нападения он считал жизненно важным для страны. Ибо надо признать, что в ходе обсуждения ответного послания королю на предыдущем государственном соб-

рании Баттяни, желая произвести впечатление, говорил о Венгрии как о "наиболее сильной половине монархии"; однако и он сам хорошо сознавал, что в этих словах содержалось немалое преувеличение. Таким образом свои расчеты он строил теперь на том, что стране противостоят более сильные противники, и поэтому в случае разрыва, если ей и не придется играть подчиненную роль, то совершенно очевидно, что она попадет в тяжелое положение. Вот почему Баттяни и в эти дни стремился предпринимать последовательные шаги, направленные на укрепление обороны страны, но лишь такие шаги, которые в Вене не могли бы посчитать вызывающими.

Когда же, например, для него стала несомненной непригодность призываемых лишь на несколько недель для лагерной службы национальных гвардейцев, он 13 августа (согласившись с ранее сделанным предложением Кошута) отдал распоряжение об организации регулярных войсковых частей из добровольцев на более длительный срок службы (в этом смысле на память приходят первые десять гонведских батальонов). Однако в циркуляре об этом он еще более настойчиво, чем в документе от 16 мая, подчеркивал, что вновь создаваемые войсковые части будут представлять собою не регулярную армию, а лишь "военную силу, состоящую из национальных гвардейцев", и, чтобы развеять возможные сомнения, рекрутирование добровольцев в отличие от порядка, принятого для укомплектования гонведских подразделений и частей, возлагал не на офицеров призывных комиссий из состава императорской армии, а на гражданских чиновников из органов местной власти. Когда же палата депутатов спустя несколько дней начала обсуждение законопроекта, определяющего порядок воигированного в июле выставления 200 тыс. новобранцев, Баттяни сам поддержал точку зрения внесшего это предложение Лазара Месароша, согласно которой новобранцы должны быть использованы не для формирования новых гонведских батальонов, а для пополнения венгерских полков императорской армии.

При этом он столкнулся не только с радикалами, совершенно уверенными в скором вооруженном выступлении контрреволюции против Венгрии, но и с Кошуттом, а также с достаточно большой группой либерального меньшинства депутатов (составлявшей более четверти всех депутатов-либералов), которая, также почувствовав в это время серьезную опасность, была твердо убеждена, что Вену если и можно принудить к отступлению, то отнюдь не новыми уступками, а скорее уж демонстрацией силы, и которая поэтому сейчас в согласии с радикалами сама требовала того, чтобы новобранцы все до единого были использованы для дальнейшего фор-

мирования гонведских батальонов. Баттяни, однако, не получил единодушной и однозначной поддержки и от тех либеральных депутатов, которые до этого неколебимо поддерживали проводимую им политику. Хотя он весьма настойчиво предостерегал палату депутатов:

— Что бы мы ни решили, нужно, чтобы это облеклось в форму закона, а для этого необходимо согласие его величества; и каково бы ни было, по нашему суждению, это согласие, мы должны также предположить, что, если наше решение не будет облечено в форму, приемлемую для его величества, может уйти в отставку то или иное министерство, но от этого наши законопроекты еще не станут законом...

Но в то время даже самый наивный депутат должен был догадываться, что если бы двор выступил против создания двухсоттысячной армии гонведов, то он точно так же выступил бы и против аналогичного раздувания численности венгерских полков императорской армии. И поэтому даже по-прежнему отмежевывавшиеся от левого крыла депутаты не поддержали законопроект Месароша, а высказались за то, чтобы часть выставляемых новобранцев использовать для пополнения рядового состава венгерских регулярных полков мирного времени, а из оставшейся, значительно большей части новобранцев сформировать новые батальоны гонведов. И Баттяни в конце концов вынужден был считать успехом то обстоятельство, что, когда дело дошло до голосования, большинство отвергло предложение левого крыла, причем отдали свои голоса не самому законопроекту Месароша, а посредническому предложению, также коренным образом отличавшемуся от него.

Что же касается того, что и голосование этого проекта никоим образом не улучшит настроение придворных кругов (как порадовались бы они в случае принятия предложения левого крыла), разумеется, не вызывало у Баттяни сомнений; поэтому он считал крайне важным, чтобы в интересах сбалансирования решения палаты депутатов правительство вновь подтвердило свою готовность сгладить австро-венгерские противоречия. Таким образом, он, еще в начале июля лишь возмущавшийся требованием кабинета Пиллерсдорфа того, чтобы Венгрия проявила большую уступчивость по отношению к Хорватии, 27 августа на заседании совета министров уже с одобрением воспринял законопроект Деака, предусматривавший предоставление Хорватии значительно большей, чем ранее, автономии. Более того, он даже пошел на то, что если хорватов это не устроит, то тогда они могут свести свои связи с Венгрией до уровня простой персональной унии. На следующий день он вместе с Деаком снова отправился в Ве-

ну, чтобы там, ссылаясь на эти убедительные свидетельства уступчивости венгерского правительства относительно урегулирования хорватской проблемы, попросить обуздания Елачича и сербских повстанцев.

Однако венским правящим кругам хорваты были совершенно безразличны, как бы охотно они ни раньше, ни теперь не добывали капитал из их недовольства. Более того, они скорее беспокоились о том, как бы вдруг не прекратилась венгеро-хорватская междоусобица. Подлинная же их цель была зафиксирована и письменно в решении совета министров Австрии, заседавшего как раз одновременно с советом министров Венгрии, который обсуждал хорватский вопрос; согласно этому решению, в первую очередь следовало существенно ограничить права министерства финансов и военного министерства Венгрии, а затем — для большей безопасности — полностью подчинить венгерское правительство австрийскому кабинету. Что же касается того, каким образом следовало обеспечить достижение этой "благородной цели", то об этом на другой день, в день отъезда Баттяни и Деака в Вену, будущий главнокомандующий императорской армией, а в то время командующий австрийскими войсками в Чехии князь Альфред Виндишгрец писал в своем письме из Праги князю Йозефу Лобковитцу, адъютанту императора. В этом письме с солдатской лаконичностью написано: "Прежде всего я делаю тебя ответственным за то, чтобы его величество впредь не делало никаких уступок". "Если же ты заметишь, что кто-то форсирует какие-то уступки либо императору грозит какая-то опасность, собери как можно больше войск и препроводи его величество и всю императорскую семью — не в качестве беглецов, а под охраной армии — через Кремс¹ в Оломоуц². Тогда я с войсками овладею Веной, его величество отречется от престола в пользу своего племянника эрцгерцога Франца Иосифа, а затем я захвачу Буду".

Разумеется, Лайошу Баттяни не было известно это письмо. Но то, что уступки хорватам не удовлетворят венские правящие круги, что эти круги уже не отступятся от своих агрессивных планов, пока венгерское правительство "остается непоколебимо на жесткой основе закона в отношении портфелей военного министерства и министерства финансов", ему совершенно ясно. А поэтому теперь его сокровенным намерением и в вопросе об этих двух министерствах было "вступить в сделку со двором", иначе говоря, принести самую большую жертву, если "иначе невозможно" устра-

нить опасность разрыва, который, по его мнению, грозит стране неисчислимыми бедами.

Однако это свое намерение во время пребывания в Вене он в конце концов так и не сумел осуществить. Ведь мнение тех государственных мужей, которые вообще-то были склонны разговаривать с ним и Деаком, при дворе даже не выслушивали и ограничивались лишь изложением собственных взглядов. И то, что они высказывали, делало совершенно очевидным, что ни на какое компромиссное решение рассчитывать нечего. Ведь Вессенберг и Латур не терпящим вознаграждения тоном заявили, что переговоры не могут быть начаты до тех пор, пока министерство финансов и военное министерство Венгрии не вольются в австрийские министерства финансов и военное. А это для Баттяни было уже неприемлемым требованием.

Он видел, что соотношение сил складывается неблагоприятно для Венгрии, но все же не думал, что настолько неблагоприятно, что Венгрия снова может попасть в подчиненное положение, существовавшее до марта, и поэтому он и тут придерживался позиции, которую следующим образом сформулировал в своей статье от 3 августа: "Мы хотим договариваться и вести дела на основе права и уважения прав народа, но мы никогда больше не станем колонией Австрии". Иначе говоря, Баттяни готов на компромисс, но только на *подлинный* компромисс, на соглашение, основанное на *взаимных* уступках. Если венские правящие круги больше всего были обеспокоены существованием самостоятельных военного министерства и министерства финансов Венгрии, то он как раз был готов от этого отказаться, но не так, чтобы эти министерства просто влились в соответствующие австрийские министерства, а лишь исключительно на основе аналогичных взаимных уступок. О том же, что из этого следовало: о создании общих австро-венгерских военного министерства и министерства финансов (или о каком-то подобном этому решении вопроса) — венские государственные мужи и слышать не хотели — ведь отнюдь не для этого они желали снова получить возможность вмешиваться в решение финансовых и военных дел Венгрии, чтобы взамен венгры получили право совать нос в военные и финансовые дела Австрии. И это не меняло и то обстоятельство, что и гораздо более выгодный для Вены результат, чем соглашение, основанное на взаимных уступках (как это представлял себе Баттяни), не мог быть достигнут на длительный срок и приближавшимся военным столкновением, как это стало очевидным в 1867 году. Ибо теперь, когда императорские войска снова прочно держали в своих руках Ломбардию, а венгры, до-видимому, пока не могли справиться и с небольшой группой сербских повстанцев,

¹ Город в Австрии.

² Город в Чехии. Ныне на территории ЧССР.

венские правящие круги в такой же степени переоценили свои возможности, как полгода назад допустили ту же ошибку венгерские руководящие круги.

Словом, чем больше было хождений по мукам у Баттяни в Вене, тем больше он убеждался в том, что здесь никому нет дела до его предложений. Затем он окончательно понял, что император никогда не утвердит ни закон о выставлении новых контингентов солдат, ни другой закон, который был принят вслед за ним венгерским государственным собранием по инициативе Кошута и на основе которого правительство, чтобы покрыть ожидаемые военные расходы, могло бы выпустить на 61 миллион форинтов не обеспеченных золотом банкнот. Потом ему предстояло узнать, что войска Елачица 31 августа вошли в Фиуме и насильно присоединили к Хорватии Венгерское приморье¹. О том, как двор отнесся к этому шагу, он тоже скоро узнал из королевского рескрипта от 4 сентября (не скрепленного визой министра), в котором король сообщал Елачичу, что он снова возводит его в должность бана, поскольку "он вновь явил... неоспоримые доказательства своей верности и своей приверженности интересам всей монархии", что является "полнейшим опровержением ложных обвинений", послуживших поводом для недавнего лишения его этого сана.

Правда, об этом документе, равнозначном приказу о наступлении, Баттяни узнал только 6 сентября. Но того, что происходило в предшествующие дни, ему было уже вполне достаточно, чтобы убедиться, что из трех вариантов выбора, которые казались ему возможными до сих пор, а именно: компромисса, покорности и борьбы, — теперь для Венгрии остался лишь один из двух последних. Борьбу он считал худшим решением, чем компромисс, но покорную уступчивость без борьбы, что прямо вытекало из предыдущего, то есть покорное согласие на восстановление подчиненного положения, существовавшего до марта, еще более худшим. Таким образом, теперь он без колебания решился на борьбу, о чем свидетельствует то, что уже 4 сентября он обратился к французскому послу в Вене с вопросом, склонно ли правительство Франции признать Венгрию в качестве самостоятельного, полностью независимого от Австрии государства и согласно ли оно предпринять демарш при венском дворе "в защиту его самостоятельности"? И хотя на его вопрос посол дал уклончивый ответ, Баттяни 9 сентября по-прежнему настроенный поднять брошенную перчатку вызова, отправился назад в Пешт, где Кошут в это время, не

¹ Так называли в те времена в Венгрии прилегавшую к Фиуме территорию, включавшую и этот город-порт.

смотря на отсутствие королевского согласия, уже четвертый день продолжал печатать не имевшие золотого обеспечения венгерские банкноты.

Когда же, однако, 10 сентября вечером Баттяни вернулся в Пешт и доложил о результатах своей поездки эрцгерцогу Стефану, тот все еще был склонен вселять в Баттяни слабые надежды своим лживым, но решительным заявлением, что Елачич в действительности "не имеет приказа династии на вторжение". К этому эрцгерцог еще добавил, что если Баттяни решился бы на сформирование нового правительства, такого, из которого был бы исключен Кошут, считавшийся в Вене главным камнем преткновения, то тогда бы двор, совершенно очевидно, позаботился об обуздании Елачица. Однако его высочество уже после последовавшей еще в тот же вечер отставки правительства Баттяни думал о чем угодно, только не о том, чтобы направить императору представление о назначении Баттяни вновь премьер-министром. Он же информировал на другой день государственное собрание об отставке правительства; причем в этом документе эрцгерцог также ни словом не упомянул о возможном поручении Баттяни сформировать новое правительство. Вместо этого он сообщил законодателям, что осуществление исполнительной власти он в силу своих прав палатина берет на себя...

Однако попытка палатина совершить путч встретила в палате депутатов такой прием, который вынудил эрцгерцога Стефана к отступлению. А поскольку возмущенные ораторы на 11-м заседании палаты депутатов заявили, что до тех пор, пока не будет образовано новое правительство, члены уходящего в отставку правительства в соответствии с законом должны продолжать выполнять свои функции, Кошут под бурные овации депутатов снова сел на свое место, отведенное в палате для членов правительства, и тотчас же начал действовать. Сначала он провел через палату депутатов решения об одобрении начатого им 6 сентября выпуска бумажных денег, затем добился принятия еще одного решения, согласно которому власти на местах должны немедленно приступить к набору новобранцев, а правительство обязывалось передать новобранцев, всех без исключения, для формирования новых гонведских батальонов (хотя так же, как и в отношении закона об открытии кредита, закон о наборе новобранцев тоже не был утвержден королем). Все это заставило эрцгерцога Стефана понять, что если он не желает, чтобы власть прочно оставалась в руках Кошута, то должен отказаться от своего плана захвата власти и удовольствоваться тем, в чем он в предыдущий вечер заверял Баттяни: формирование нового правительства все же необходимо поручить ушедшему в отставку премьер-министру [то есть Лайошу Баттяни].

Однако происшедшее в палате депутатов открывало Баттяни глаза на то, что значительное большинство депутатов теперь — в противоположность тому, что было в конце августа, — уже за Кошута, поддерживает его, и поэтому, если действительно произойдет разрыв с Веной и начнется вооруженное контрреволюционное нападение, Кошут окажется более пригодным для организации сопротивления, чем он, Баттяни. Таким образом, единственную возможность и смысл попыток самому сформировать новое правительство теперь он видел лишь в одном случае: если двор в соответствии с утверждением эрцгерцога Стефана все же склонится к отказу от вооруженного столкновения, условием чего, естественно, — если это вообще может еще произойти — явится не только лишение Кошута портфеля министра в новом кабинете, но и обязательство нового правительства не предпринимать ничего такого, что хоть в чем-то отходило бы от зафиксированных в законах положений. Поэтому он лишь в том случае примет поручение о сформировании нового кабинета, если двор воспрепятствует вторжению Елачича (хотя бы ради того, чтобы не вынуждать венгров проводить не утвержденный королем набор новобранцев) и представит в распоряжение вновь формируемого правительства заем в один миллион форинтов (опять-таки ради того, чтобы избежать не утвержденного королем, но вынужденного выпуска бумажных денег). И наместник нехотя, но все же предложил теперь монарху назначить вновь Баттяни премьер-министром; это предложение он оформил и письменно, зафиксировав в представлении от 12 сентября и обговоренные устно условия.

Однако еще 12 сентября Баттяни был извещен о том, что войска Елачича уже накануне пересекли хорватско-венгерскую границу, форсировав Драву, и двинулись на Буду. Естественно, что он не мог бездейственно наблюдать продвижение противника и ожидать, пока придет из Вены ответ на представление палатина. Поэтому теперь он делал все возможное для эффективной защиты революции; все возможное в рамках действующих законов (так, например, он призвал местные органы власти в Задунайщине к организации народного ополчения или в связи с отказом Храбовского взять на себя командование задунайскими войсками провел решение, чтобы сам палатин встал во главе армии в качестве главнокомандующего вооруженными силами страны). Но если рамки законов оказывались узкими, он — какую бы озабоченность это ни причиняло ему — без колебания преступал их. В частности, он лично дал указание местным властям не ждать с набором новобранцев "до тех пор... пока его величество утвердит относящуюся к этому статью закона", а в соответствии с решением палаты депутатов от 11 сентября немедленно

развернуть набор новобранцев во вновь формируемые гонведские батальоны.

Когда же наконец 16 сентября из Вены прибыл долгожданный королевский ответ на представление палатина от 12 числа, в принципе санкционировавший повторное назначение Баттяни премьер-министром, но оставивший пока без ответа по существу оговоренные в представлении условия, Баттяни еще в тот же день заявил в палате депутатов, что он отказывается от полномочий по формированию правительства, поскольку из королевского документа однозначно явствует, что Венгрия вынуждается на бесполезные, даже прямо пагубные уступки в угоду законному решению. Ведь в связи с тем, что она, насколько только возможно, все еще избегает применения незаконных средств, она вообще никак не приближается к мирному урегулированию проблем и сама себя лишает возможности поставить все свои ресурсы на нужды самообороны. Таким образом, он считал, что законодателям больше не стоит размышлять о том, как добиться назначения нового законного правительства; лучше взвесить и решить, "не наступил ли наконец тот последний миг, когда нация оказалась вынужденной на крайнюю и решительную самооборону, законность которой она не в силах, да и не обязана доказывать".

Иначе говоря, Баттяни тогда, к удивлению многих, заговорил таким тоном, какой в зале заседаний палаты депутатов позволяли себе только Кошут и ораторы-радикалы. Теперь же в ответ ему — опять-таки к удивлению многих — именно Кошут и главные ораторы группы левых депутатов начали умолять его, чтобы он, каких бы это ни требовало от него жертв, все же принял пост премьер-министра и выполнял эти функции столько, сколько сможет, хотя бы уже потому, что открытый разрыв с конституционными формами деятельности не только пришлось бы по вкусу Вене, но и умалил также "ту конституционную силу", которая нужна для того, "чтобы умножились наши силы". Ведь этот разрыв совершенно очевидно отвратил бы от дела самообороны и борьбы многих тех (особенно из числа офицеров армии, кто был как раз весьма необходим), кто, не случись этого, оставался бы, по всей вероятности, под знаменами борьбы. И с таким аргументом Баттяни вынужден был согласиться.

Итак, он снова вернулся на свой пост и в следующие дни лихорадочно трудился над организацией сопротивления. Немалые усилия он приложил к тому, чтобы лагерь революции к концу сентября, несмотря на упущения летних месяцев, смог бы бросить в бой — и это удалось — такую армию, которая сумела бы не только задержать Елачича, но и обратить

его в бегство. Однако в день пакоздской победы¹ Баттяни снова увидел будущее совершенно безрадостным. Дело в том, что незадолго до этого эрцгерцог Стефан, который тем временем отказался от поста венгерского палатина и удалился в Вену, известил Баттяни о том, что монарх в новом своем рескрипте уже твердо отказался от своей идеи отозвать Елачича. Затем эрцгерцог сообщил, что его величество назначил главнокомандующим императорскими войсками в Венгрии одного из преданнейших приверженцев Венгрии, генерал-лейтенанта графа Ференца Ламберга. Эту новость эрцгерцог Стефан дополнил не соответствовавшей действительности информацией о том, что Ламберг "направляется в штаб армии в целях примирения". Тогда Баттяни — в тщетной надежде, что Ламберг все же, может быть, сумеет заставить наконец замолчать орудия, — утром 27 сентября тоже поспешил в штаб. Однако в тот же день вечером палата депутатов объявила незаконным назначение Ламберга и аннулировала это назначение, а на следующий день народные массы в Пеште вопреки ожиданиям введенного в заблуждение премьер-министра линчевали генерал-лейтенанта, в котором они с полным основанием видели одного из организаторов контрреволюции.

Такое развитие событий привело Баттяни в полное отчаяние. Он понимал, конечно, что теперь стране уже не поможет даже то, если армия гонведов отбросит Елачича, — ведь ответ, данный венграми на назначение Ламберга, может побудить противостоящую сторону лишь к тому, чтобы, введя в действие все свои вооруженные силы, нанести Венгрии новый и еще более сильный удар. Этот удар — Баттяни был в том уверен — будет уже смертельным, так как страна, даже мобилизовав все свои силы, сможет выставить лишь такую армию, которая необходима для отпора Елачичу, а на большее просто не способна.

Таким образом, к рассвету 29 сентября, когда венгерские войска стояли в боевом порядке на Пакоздском поле, Баттяни снова отправился в Вену, чтобы хоть что-то сделать для устранения опасности, — его место там, где он наилучшим образом сможет что-то предпринять. Однако, прибыв в Вену, он достаточно быстро убедился, что уже ничего не может больше сделать. Здесь он получил не только известие о разгроме Елачича при Пакозде, но окончательное решение — 3 октября — об освобождении его от поста премьер-министра, а перед этим ему сообщили, что король в течение ближайших одно-

¹ В битве под Пакоздом 29 сентября 1848 года (Пакозд — небольшое местечко к северо-востоку от города Секешфехервара) армия революционных гонведов разбила войска Елачича. В ознаменование этого события в народной Венгрии этот день отмечается как День Вооруженных Сил.

го-двух дней даст распоряжение о роспуске венгерского государственного собрания и во главе страны будет поставлен королевский правитель, облеченный всей полнотой военной и гражданской власти, и им будет не кто иной, как Елачич, тот самый Елачич, которого так ненавидят в Венгрии и который теперь поспешно отходит от Пакозда к Вене. На все это Баттяни только и мог заметить, что это "такое... самоуправное объявление войны против венгров, после которого для Венгрии не остается ничего другого, как позаботиться о своей самообороне".

Но Баттяни по-прежнему не сомневался, что самооборона может окончиться только поражением. 5 октября он уехал из имперской столицы с мыслями о том, что покинет свою страну, положение которой все равно уже не сможет изменить. Однако на другой день в Шопроне он получил два важных известия: с одной стороны, он узнает, что то, чего он в течение полутора месяцев так трепетно ожидал — чтобы в Вене вновь вспыхнуло революционное движение, — свершилось и двор бежал в Оломоуц; с другой стороны, ему стало известно, что одна из дивизий Елачича вторглась в его родной комитат Ващ, и комитатские власти (как раз во исполнение его же, Баттяни, распоряжения, изданного несколько недель назад) объявили о наборе народного ополчения. Узнав об этом, он отказался от своего плана покинуть родину и поспешил в родные места, где присоединился к народному ополчению.

После же отхода противника он в течение длительного времени оставался дома, поскольку несчастный случай надолго приковал его к постели, а также в связи с тем, что от своего депутатского мандата он отказался еще 2 октября в знак протеста против принятого в отношении Ламберга 27 сентября решения и, следовательно, ему пока нечего было делать в Пеште. До тех пор пока, облеченному доверием своих избирателей, ему в середине декабря вновь не пришлось занять свое место в палате депутатов. Но к этому времени он уже располагал большой новой информацией.

Ему уже было известно, что назначенный главнокомандующим Виндишгрец к концу октября подавил венское восстание, учинив затем кровавую расправу над попавшими к нему в руки руководителями восстания. Он уже знал, что в начале октября в Венгрии исполнительную власть взял в свои руки комитет, созданный государственным собранием и возглавляемый Кошутом, — Комитет обороны. Ему уже было известно, что против венгерской революции ведут вооруженную борьбу не только сербы и хорваты, но и словацкие и румынские жители страны. Он уже знал, что придворные круги в начале декабря вынудили Фердинанда отречься от

престола, а Франца Карла — от своего права престолонаследования и посадили на трон сына последнего — Франца Иосифа; венгерское же государственное собрание объявило этот шаг идущим вразрез с законом. И более чем вероятно, ему уже было известно, что за минувшие месяцы непрерывно продолжала укрепляться армия гонведов — причем настолько, что число гонведских батальонов равнялось почти шестидесяти. Зная все это, он, по-видимому, пришел к выводу, что Венгрия способна оказать более упорное и более длительное сопротивление, чем ему раньше казалось; хотя в конечном итоге она все же вряд ли сумеет избежать поражения; если же тем не менее Венгрия одержит победу в борьбе, в результате этого она выпадет из Габсбургской империи и навсегда лишится преимуществ, вытекавших из ее принадлежности к империи.

И такая оценка ситуации побудила Баттяни снова выступить посредником в заключении мира. Не потому, что результаты его прошлых подобных усилий в этом направлении порождали в нем слишком радужные надежды. А потому, что теперь по всем признакам он вновь не считал положение дел полностью безнадежным, однако совсем и не потому, будто предполагал, что продолжение борьбы, насколько ни были бы предпочтительнее шансы имперских сил, все же и им сможет нанести большой урон, что в конце концов должны понять придворные круги. Правильность такого предположения может подтвердить то, что по возвращении в Пешт он стал во главе так называемой Партии мира, сформировавшейся в течение прошедших месяцев из правого крыла группы депутатов-либералов; члены этой партии также считали поражение неотвратимым и поэтому тоже хотели добиться какого-то мирного урегулирования — даже ценой далеко идущих уступок. Это может подтвердить и то, что Баттяни сделал в канун Нового года. В это время вторгшиеся еще две недели назад в Венгрию главные силы императорских войск стояли уже непосредственно у ворот Буды, и в связи с этим государственное собрание по предложению Кошута приняло решение о перенесении своей резиденции и резиденции Комитета обороны — в интересах более надежной организации сопротивления врагу — в Дебрецен. Баттяни же, считая, что наступил последний момент для возобновления попыток договориться о мирном урегулировании, добился, чтобы государственное собрание одновременно с этим направило его во главе делегации из пяти человек к Виндишгрецу. Он добился такого решения, предполагая, что когда он вернется в Пешт, то соберет еще оставшихся здесь (и наверняка в немалом количестве) законодателей и предложит им признать Франца Иосифа законным королем Венгрии и

принять определенные Виндишгрецем мирные условия (какими бы суровыми они ни были) — и тем самым лишит обе враждующие стороны почвы для дальнейшего продолжения войны.

Основывая свои расчеты на предположении, что продолжение борьбы еще может нанести большой ущерб и императорской стороне и что рано или поздно это должно стать очевидным и для придворных кругов, Баттяни в основном поступал правильно. Ведь подавление венгерской революции в конечном итоге обойдется Габсбургам действительно очень дорого, так как для того, чтобы снова властвовать в Венгрии, им нужно использовать антивенгерские национальные движения и этим дать пищу таким устремлениям и тенденциям, которые со временем станут первостепенной важности факторами в распаде исторической Венгрии, а вместе с ней и всей империи. Но всего этого тем не менее было недостаточно для того, чтобы вооруженные силы Габсбургов смогли разгромить армию гонведов — для этого им пришлось в конце концов прибегнуть к помощи царской России. А этот факт, несомненно свидетельствующий об их слабости, раз и навсегда исключил бы Габсбургскую империю из числа великих европейских держав. И только в одном Баттяни ошибся: в предположении, что император и его сторонники уже теперь смогут взвесить и оценить, какую опасность таит и для них продолжение борьбы. Потому что принудить их к трезвому расчету могло лишь непрерывно продолжавшееся, но принесшее свои плоды только спустя несколько месяцев сопротивление гонведской армии, а также столь неблагоприятное для них проявление в более отдаленном будущем последствий венгерской войны. Теперь же, накануне осуществления последнего пункта программы Виндишгреца, прокламированной им 27 августа, накануне захвата Буды, все влиятельные лица при дворе готовы были поклясться, что падение венгерской революции — это максимум вопрос нескольких дней.

Таким образом, появление Баттяни в ставке Виндишгреца было бессмысленным: этим он "добился" лишь того, что отдал самого себя в руки своих смертельных врагов. Когда же по истечении пяти месяцев, в момент начала вторжения войск русского царя, его на мгновение охватило чувство, что если раньше ему и не удалось, то именно теперь можно было бы продолжить путь к мирному урегулированию. И захваченный этой мыслью, он просит у своих тюремщиков временно освободить его и разрешить ему поехать в Пешт, чтобы снова попробовать убедить своих соотечественников "внять голосу разума" и склониться в пользу уступок. Однако его инициатива не нашла отклика в Вене. Конечно,

позднее Габсбурги окажутся вынужденными пойти на подобное примирение, которого он, Баттяни, хотел достичь еще в конце лета 1848 года. Таким образом, спустя неполных два десятилетия в этом смысле будущее подтвердит его правоту. Настоящее же сложилось так, что 6 октября 1849 года оно поставило Лайоша Баттяни под дула ружей казнивших его солдат контрреволюции.